

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
HUMANITĀRĀ FAKULTĀTE

KULTŪRAS STUDIJAS CULTURAL STUDIES

Zinātnisko rakstu krājums
Scientific Papers

V

VĒSTULE LITERATŪRĀ UN KULTŪRĀ
LETTER IN LITERATURE
AND CULTURE

~ DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS "SAULE" ~

2013

Stašulāne A., galv. red. *Kultūras studijas. Vēstule literatūrā un kultūrā. Zinātnisko rakstu krājums*. V. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds „Saule”, 2013. 428 lpp.

Galvenā redaktore

Prof. Anita Stašulāne, Dr. theol.

Redakcijas kolēģija

Antropoloģija

Prof. Čezāre Poppi, Dr. Ph. (Itālija)

Austrumu kultūras

Dr. Ph. Dušans Deaks (Slovākija)

Dr. philol. Viktors Ivbulis (Latvija)

Literatūrzinātne

Prof. Maija Burima, Dr. philol. (Latvija)

Prof. Jurijs Novikovs, Dr. habil. hum. (Lietuva)

Prof. Aļfija Smirnova, Dr. philol. (Krievija)

Asoc. prof. Anna Stankeviča, Dr. philol. (Latvija)

Dr. philol. Gaga Lomidze (Gruzija)

Mākslas zinātnes

Asoc. prof. Valentīna Liepa, Dr. paed. (Latvija)

Dr. art. Kristīne Ogle (Latvija)

Reliģijas zinātnes

Prof. Alfonss Motuzs, Dr. habil. hum. (Lietuva)

Dr. Ph. Saburo Morišita (Japāna)

Literārie redaktori un korektori

Vilma Šaudiņa, Irita Saukāne, Inguna Teilāne (latviešu val.)

Sandra Meškova (angļu val.)

Anatolijs Kuzņecovs (krievu val.)

Māksliniece Ilze Meldere

Maketētājas Vita Štotaka, Marina Stočka

Алена Белая

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ «ЭПОХИ РУБЕЖА»

Summary

Epistolary Elements as a Means of Artistic Representation of a Personality in Belarusian Prose of the “Borderline Epoch”

A letter in Belarusian prose of the first decades of the 20th century is a dominant idea in plot building and an effective means of characterization. At the beginning of the century it was basically a “chronicle” of private life against a public background. In the era of the “triple” war, letters were included in the complex art system of spatio-temporal relations; they convey generalized-and-personal perception of events and more vividly reveal the trajectory of the individual into a new life and the nature of his participation in it. In the prose of the 1930s, epistolary elements serve as a means of artistic representation of the moral component in the concept of hero and society.

*

Присутствие в мире не бывает немым. Начало XX века — это период активного утверждения белорусов в пространстве культуры. Национальная литература с начала века развивалась ускоренными темпами. Как писал в 1915 году М. Богданович о белорусской поэзии, она «за восемь — девять лет реального существования... прошла все пути, а отчасти и тропки, которые поэзия европейская торила более ста лет. Из наших стихов можно было бы легко создать «краткий повторительный курс» европейских писательских направлений прошедшего века». Практически все их «отобразила наша поэзия, правда, чаще бегло, неполно, но все-таки отобразила»¹.

Менее динамично развивалась белорусская проза, которая в первой трети XX века не дала мировой культуре романа в письмах, на что существовал ряд объективных причин. Однако очевидны и богатые художественные потенциалы создания такого жанра. Роман в письмах, «pretендуя на отображение жизни такой, какая она есть, часто требует наличия определенного типа персонажей, ситуаций, а также прони-

цательного анализа»². Анализ «художественных личностей» адресантов в повестях М. Горьцкого, романах К. Чорного, Л. Калюги и других писателей выявляет глубокий внутренний автобиографизм, склонность к самоуглублению и рефлексии. Но многие начатые талантливыми писателями произведения остались незавершенными, а многообещающие начинания — нереализованными. И все же эпистолярные элементы весьма активны в поэтике прозы первой трети XX века, так называемой «эпохи рубежа»³.

Первая треть XX века определена кризисными событиями «тройственной войны» — империалистической, революционной, гражданской. Между тем понятие «кризис» означает не только упадок, а и возможность, «полный опасности шанс» как для истории, так и для человеческой личности. Начало XX века и последующие десятилетия характеризуются масштабными, противоречивыми и часто драматическими событиями. Они же по праву считаются и временем национальной классики, на протяжении которого был заложен надежный фундамент белорусской культуры, в полную силу проявились особенности национального художественного мироощущения и миропонимания.

Получившие доступ к грамоте герои литературных произведений, как и их реальные прообразы, пишут либо получают и читают письма. А бурные события начала XX века выступают для этого влиятельным социальным фактором. В коротком рассказе А. Пашкевича (Цётки) «Новогоднее письмо» (1907—1908) эпистолярная форма выступает как своеобразная хроника событий частной жизни на фоне современных адресанту политических событий. Михалюку, которого загнали в солдаты «аж в Рязанскую губернию», под диктовку родителей «пан писарь», отставной артиллерист, сообщает деревенские новости: «Живем хорошо, чего и тебе желаем... Полместечка сгорело на Троицу.. Хлеб у нас кончился перед Рождеством. Красулька отелилась, бычок хороший. В местечке стражники побили людей... Одну женщину даже застрелили. <...> На Кутью... кисель удался... Мать поперхнулась — наверное, ты вспомнил. А учитель все сидит в остроге. <...> Народ не успокоился. Летом на дворах стояли казаки. <...> Сивку подковали в субботу. <...> От новой Думы ничего еще не дождались»⁴.

В рассказе З. Бядули «Летописцы» написание письма делается сюжетообразующей доминантой. «Два заговорщика», старый Мирон и его восьмилетний внук Андрей, тайком от невестки собираются написать письмо сыну Мирона, а Андрейкиному отцу Адаму в Америку.

Дед уважает внука за его умение и всячески угождает ему в процессе написания. Все же Андрейка сбился с толку, устал и заснул. Дед же даже и не заметил этого, он продолжал «диктовать». Высказав сыну обиды на невестку, заплакал, «тихо... стыдливо, будто что-то украл у себя самого» — и тотчас как бы избавился от того твердого и колючего, что стояло в горле. Затем вспомнил, что сын просил писать о сельских новостях. И вот они, «как бусины с порванной нитки, посыпались из уст старика. В итоге дед рассудил себя — вошел в привычное течение жизни, где печаль чередуется с искренним смехом»⁵. Ночные «авантюры» деда и внука выходят за рамки бытового реалистического сюжета. Эпистолярные элементы послужили средством художественного выявления диалектики традиций и новаторства. Старый Мирон — обладатель мудрого народного опыта, Андрейка — символ ценностей, которые идут с новым временем. И его роль в этом времени во многом зависит от характера личностных отношений с дедом. Не зря именно детство и старость считаются «опорными» возрастными, которые символизируют основополагающие морально-эстетические ценности.

С началом нового, XX века перед белорусами остро встает проблема национальной идентичности, которая нашла отображение и в художественном пространстве белорусской прозы. Особенно выделяется в этом отношении жанр эпистолярного рассказа у М. Горецкого — своеобразные «письма» друзьям и единомышленникам — как этап «в завоевании самого себя» на пути самоидентификации, реализации стремления «поделиться с людьми самим собой»⁶. Бурное время настоятельно требовало определиться и в отношении к политическим партиям и движениям. Характерно, что часто первое, на уровне эмоций, их восприятие героями-адресатами складывалось под влиянием писем. Так, сын, служивший в царской армии (Я. Нёманский, «Мать»), писал Татьяне, что «социалисты» оскорбляют и даже бьют офицеров. И для нее «слово «социалист» стало недобрым, а людей, которых так звали, она считала злодеями»⁷.

Белорусская проза первой трети XX века последовательно трактует исторические события как драму, драму столкновения идей государства и чаяний «негосударственного» народа, носителями которых выступают литературные характеры и типы. Поэтому в белорусском художественном эпистолярии не так много оптимизма. В это время становится непреложной истиной выражение М. Монтеня: «тот, кто не достиг бы славы иным путем, прославится своим несчастьем»⁸.

Органичным элементом художественной формы выступают письма в повествовании о событиях «тройственной» — Первой мировой, революционной, гражданской — войны. Наиболее ярко данный хронотоп воссоздан М. Горьким в автобиографической повести-записках «На империалистической войне». Активно используются прозаиком эпистолярные элементы и в незавершенной «Комаровской хронике». В обоих произведениях это и показатели исторического времени, и выразительные средства самовыявления героев, и художественные проекции результатов самопознания. К стилю М. Горьцкого применимо выражение П. Валери „оргии самоуглубления”, настолько детально «препарирует» его герой Лявон Задума свои чувства и ощущения в экстремальных условиях войны.

В романе М. Лынькова «На красных вырубках» («На чырвоных лядах», 1934), который также остался незавершенным, эпистолярные элементы во многом конкретизируют авторскую задачу воссоздания исторической картины жизни Беларуси начиная с Первой мировой войны. Ожидание и чтение писем с фронта, среди которых немало похоронок, углубляет психологизм произведения, создает представление о самых разных обличьях неизмеримой трагедии отдельной личности и народа в целом.

Характер частной переписки, что уже отмечалось, помогает герою и читателю осмыслить как универсальные философские вопросы, так и отдельные морально-этические проблемы. В ряде произведений они тесно связаны с «жизнью человеческого сердца». Малограмотная деревенская девушка Лёксочка (повесть М. Горьцкого «В чем его обидает?»), которая пригласилась студенту Лявону Задуме, получила от него письмо, с которым «носились... как кот с салом», но, к сожалению, сама прочитать никак не могла. На посиделках показывала это письмо всем, а когда «второй после Лявона» сельский грамотей Тимох начал его читать, вся хата умирала от смеха. Нашелся и тот, кто при всех тихо, но убедительно обозвал Лявона «ученым дураком». Письмо героя выступает не только сюжетной доминантой главы, но и пробным камнем морально-этической сущности многих героев, и даже своеобразным камнем преткновения деревенского масштаба. Ответ от малограмотной Лёксы, написанный незнакомой рукой, вконец разрушил романтические надежды Лявона. Прочитав, он от «неловкости плюнул, а потом застеснялся, схватился от обиды и жалости за голову и глотнул воздуха, как щука, выброшенная из речки на сухой песок»⁹.

Когда Виньку Воронича (Л. Калюга, роман «Пустодомки») взяли в армию, то «по этой причине Марыле Дещиковой и посыпались письма». Когда «почтарь» Гаврющик отдавал их девушке, то от писем почему-то «вареной картошкой пахло»¹⁰. Марыля немного стеснялась читая: «может, потому, что было написано по-русски... К тому же куску бумаги в глаза не посмотришь, как когда-то на скамейке это можно было сделать». Чем дальше, тем большим лентяем на письма делался Винька: все ж такое расстояние — это не ночи бок о бок на лавочке. «А в сговоре с расстоянием и время злодеем становится, только умножает тревожные мысли». Написав, что поступил на командирские курсы, Винька и вовсе оправдал себя в глазах Марыли: «Видимо, не ленился он писать, а через те курсы времени не было. И, наверное, из-за них не вернулся домой, закончив службу»¹¹. Односельчанин Данила Неведомский, приехав из города, поставил все на свое место: Винька женился на дочери его квартирной хозяйки.

Вскоре семью середняков Неведомских предназначили к ссылке. С родителями выехал младший сын Марко, работавший на земле. Спустя некоторое время «городской» сын писатель Данила «получил от брата открытку с неведомой ранее станции. «Прощай! Полетели в холодные края»¹².

«Пустодомки» — роман, который молодой прозаик начал писать в изгнании и не успел его завершить. Все, что касается писем, ему не пришлось выдумывать. С горьким юмором пишет Калюга о том, что письма, летевшие к Даниле из холодных краев «один за другим — целым клином, почему-то очень уж вареной картошкой отдавали. Видимо, был в Минске — да один ли! — Гаврющик» (здесь: цензор — А.Б.)¹³. Возвращение к этой детали тонко подчеркивает нарастание тотального недоверия государства к своим гражданам, служит сопоставлению разных полюсов бытия. Лейтмотив писем изгнанников, «пустодомков» не по своей воле, — щемящая любовь к далекой батьковщине, ностальгия по ней. Обращает на себя внимание сакрализация вещей и явлений, которые еще вчера казались адресанту обыденными и привычными. «Неужто ни у одной девушки в нашем краю не дождется меня среди приданого подушка, на которую склоню я уставшую голову! Но у Стэфки — ты помнишь? — подушечка... Маленькая такая, недостижимая — на самом верху... Может, и на ней доведется отдохнуть, ведь далекому гостю — все наилучшее. А еще писал Марко брату, что его ну просто одолели сны. И в каждом из них ему удастся незаметно

вывернуться. <...> Оттого и нестерпимо: ведь этим мучительным сном не сбьются»¹⁴.

Важно отметить, что белорусская проза первой трети XX века не только продуктивно осваивала эстетические традиции, но и создавала художественные прецеденты. Одним из них является повесть-воспоминания Ф. Алехновича «В когтях ГПУ»¹⁵. В воссоздании картины тотального господства Зла писателем активно задействованы и эпистолярные элементы, причем как в реалистическом плане, так и в качестве носителей символики, актуальной и распространенной в данную эпоху, чем является, в частности, мотив болезни, позднее прекрасно интерпретированный в русской прозе Б. Пастернаком (роман «Доктор Живаго»).

После ареста сына, приехавшего из Вильно в Минск в 1926 году добровольно и с большим желанием строить Белорусский Дом, мать «Попутчика» (автобиографического героя) пишет его семье, которая, к счастью, в Минск еще не выехала: «Мои дорогие! Спешу поделиться с вами печальной вестью. <...> Франц тяжело заболел. Недавно позволили с ним увидеться, а также раз в неделю приносить ему еду. Лежит в больнице, и неизвестно, когда выздоровеет. Тяжело, но должна написать вам всю правду: нет надежды на его скорое выздоровление»¹⁶.

Это письмо на адресатов «свалилось, как гром с ясного неба». Долго читали и перечитывали, не в состоянии осмыслить его содержания. Что это за неожиданная болезнь, которую мать в письме не называет? Так он же всегда был здоровым и сильным! «Какая-то странная эта советская больница, где тяжелобольному позволено получать продукты от родственников. В конце концов расшифровали: отец сидит в тюрьме. Видимо, дело серьезное, если „нет надежды на его скорое выздоровление»¹⁷.

В тюрьме, пишет Ф. Алехнович, слова писем, поначалу аккуратно получаемых от друзей, обнадеживали, «были как слова утешения у постели тяжелобольного... заставляли верить, что и вправду что-либо изменится», и узник так же аккуратно отвечал. Однако повернуть вспять репрессивные механизмы было невозможно, и «наконец случилось то, чего адресат боялся. Последнее письмо... ограничивалось только сухой информацией о том, что пока еще ничего не удалось сделать, а когда будет сделано, тогда будет и сообщено — и пусть тов. Алехнович перестанет так часто писать»¹⁸.

И, наконец, о письмах, которые попадали на Соловецкие острова. Не передать радости тех, кто «сквозь льды и снега получил этот кусок бумаги, покрытый словами, которые, стремясь обмануть цензуру, подают весть о событиях под родною крышей. Соловецкий узник научился читать между строк... Если пишут: «здоровье твоего брата требует дальнейшего пребывания в санатории» — то это значит, брата твоего постигла твоя судьба... Если написано: «врачи признали, что наш климат вреден для здоровья отца» — читай: твоего отца заслали куда-то в Нарымский край и в Печорскую тайгу...»¹⁹ Но воистину заслуживал сочувствия тот, кто не получал никаких вестей: «Что с ними?.. Лучше уж дурная весть, чем эта проклятая неопределенность... Что с ними случилось? Почему не пишут?...»²⁰

Однако, утверждает Ф. Алехнович, ошибался бы тот, кто думает, будто на лицах узников постоянно лежит печать отчаяния, что «в месах мучений никогда не услышишь шутки, юмора, беззаботной песенки. Человек так быстро приспосабливается к новым, ненормальным условиям жизни, а природная потребность в смехе так сильно помогает своим прав, что даже те... которые никогда уже не увидят своих близких, — бывает, сегодня что-то напевают беззаботно...»²¹ В натуре же белоруса юмор вообще та сила, которая спасает... и от жизни, и от смерти. Это констатирует и Л. Калюга в романе «Пустодомки»: «Как бы круто ни пришлось, пускай и горький, но все же с нашим народом остается юмор»²².

Распространенным мотивом в белорусской литературе времен «великого перелома» является получение письма активистом коллективизации от раскулаченных либо предназначенных для этого родителей. Конфликт заключается в том, что объектом репрессий семья делается именно по вине сына-комсомольца либо коммуниста, который настаивал на ведении «культурного хозяйства», покупке техники, инвентаря. Молотилка, в частности, выступает для героев — что видно и из их переписки — своеобразным отсроченным «знаком беды». Этот мотив проходит в драме К. Крапивы «Конец дружбы», романе М. Зарецкого «Вязьмо» и в современной литературе развивается В. Быковым в повести «Облава». Герою К. Крапивы Лютынскому раскулаченный отец с горькой иронией пишет: «Спасибо тебе, сынок мой, что ты помог мне, что ты защитил меня — ты же коммунист, с большим начальством знаешься. Ждал я опоры на старости лет — вот и подперли меня... Так подперли, что нам со старухой приходится в чужом углу

смерти ждать, глядя как черт лысый нашим добром пользуется»²³. К чести Лютынского, он пытается найти справедливость. Видя перегибы на местах и руководствуясь тем, что отец „при советской власти завел культурное хозяйство, и никто не имеет права поступать с ним как с кулаком”, герой пишет объективное письмо начальнику райземотдела. Однако это письмо не только не спасает отца, а еще более усугубляет положение сына: на партийной чистке оно трактуется как «объявление войны советской власти»²⁴. Согласно авторскому замыслу, Лютынский — отрицательный герой, на что намекает уже антропоним. Его друг Корнейчик, инициатор чистки, — положительный. Но в произведении четко действует прием «переданной трибуны»: сегодня произведение, созданное в 1933 году, прочитывается в идеологическом отношении с точностью наоборот, при этом не утратив художественной ценности образов, которая создается, рядом с иными эстетическими решениями, целесообразным использованием эпистолярных элементов.

Получив от родителей подобное письмо, герой романа М. Зарецкого «Вязьмо» (1932) секретарь партячейки Сымон Коризна решает им не отвечать, хоть и осознает, что это, по сути, означает бросить «их — старых, слабых — на произвол неведомой судьбы»²⁴. Нельзя сказать, что решение героя однозначно. От одной только мысли написать, что «я с вами, с кулаками, не имею ничего общего, не считайте меня больше сыном, так же как и я не считаю вас больше родителями», Коризна содрогается. Но и на поступок противоположного морального качества он не решился: как пишет М. Зарецкий, ведь «на подлость, как и на геройство, тоже нужна отвага»²⁴. Уже из приведенных примеров видно, что эпистолярные элементы — убедительное художественное средство в литературе периода укрепления тоталитарных тенденций, а реакция на них адресата — одна из основных характеристик личности и эпохи. Авторы ставят непростые, порой мучительные, сущностные проблемы нравственного долга личности перед собой, перед людьми, перед временем и историей, которые каждый обязан решить, не может не решать, пусть даже только для себя самого.

К сожалению, сегодня обмен письмами в жизни практически исчез, и приходится констатировать, что переписка — отмирающий феномен коммуникации. А если она и существует, отмечал Г. Гадамер, то «настолько редуцируется, настолько ограничивается вещами, для которых не требуется ни пластического владения языком, ни способно-

сти вчувствования, ни творческой силы воображения...»²⁵ И все же обращение к эпистолярным элементам в художественном тексте не теряет своей актуальности, ведь «филология имеет предпосылкой благородную веру — в то, что ради некоторых немногих, которые всегда «придут» и которых нет налицо, должно заведомо справиться с громадным количеством мучительной... работы: все это работа для употребления дофинов»²⁶.

Таким образом, письмо в белорусской прозе первой трети XX века — одна из сюжетных доминант и эффективное средство создания образа-характера. В начале столетия это в основном «хроника» частной жизни на общественном фоне. Эпистолярные элементы выступают одним из средств художественного решения проблемы идентификации, актуальной для «эпохи рубежа». В эпоху «тройственной» войны письма включаются в сложную художественную систему пространственно-временных отношений, передают обобщенно-личностное восприятие событий, все более предметно выявляют траекторию движения личности в новую жизнь и характер участия в ней. В прозе 30-х годов это средство художественной репрезентации нравственной составляющей в концепции героя и общества. Письма в художественном тексте — это и источники реалистических деталей, и составляющие художественной панорамы бытийных основ нашего народа, его экзистенции.

Сноски и примечания

¹ Багдановіч, Максім. *Поўны збор твораў*. Т. 2. Мінск, 2001, 287.

² Брунэль, П'ер; Пішуа, Клод; Русо, Андрэ-Мішэль. *Што такое параўнальнае літаратуразнаўства?* Мінск: Бел. Фонд Сораса, 1996, 193.

³ Используя данное понятие, мы разделяем утверждение О. Шпенглера («Закат Европы») о том, что смысл слова «эпоха» не сводится к значению «период». Эпоха в переводе с греческого означает «остановка», «задержка», «прекращение». Согласно утверждению Шпенглера, событие делает эпоху, знаменуя в развитии культуры некую необходимую, роковую перемену. И если само событие могло быть замещено иными случаями, то эпоха необходима и предопределена.

⁴ Цётка. *Выбраныя творы*. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001, 96.

⁵ Беляя, Алена І. *Людзі адной зямлі: тыпалогія і паэтыка характараў у беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя*. Баранавічы: РВА БарДУ, 2010, 192

⁶ Там же, 357

⁷ Нёманскі, Янка. *Творы*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1984, 107.

⁸ Монтень, Мишель. *Опыты. Избранные произведения*. Т. 3. Москва: Голос, 1992, 39.

⁹ Белая, Алена І. *Людзі адной зямлі: тыпалогія і паэтыка характараў у беларускай прозе першай трэці ХХ стагоддзя*. Баранавічы: РВА БарДУ, 2010, 355

¹⁰ Здесь молодой прозаик обращается к перифразе, указывая на простейший способ перлюстрации — вскрытия письма над паром.

¹¹ Белая, Алена І. *Людзі адной зямлі: тыпалогія і паэтыка характараў у беларускай прозе першай трэці ХХ стагоддзя*. Баранавічы: РВА БарДУ, 2010, 356

¹² Калюга, Лукаш. *Творы: раман, апавесці, апавяданні, лісты*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1992, 454.

¹³ Там же, 454—455

¹⁴ Белая, Алена І. *Людзі адной зямлі: тыпалогія і паэтыка характараў у беларускай прозе першай трэці ХХ стагоддзя*. Баранавічы: РВА БарДУ, 2010, 356

¹⁵ В произведении Ф. Алехновича «В когтях ГПУ» («У капцюрох ГПУ») рассказывается о семи годах, проведенных писателем, драматургом, театральным деятелем в минской тюрьме, а затем на Соловецких островах (1927—1933). Книга явилась первым художественно-документальным свидетельством такого рода. Написанные в 1934 году воспоминания были изданы вначале на польском языке, а в 1937 году автор издает их в Западной Белоруссии за собственные средства на родном языке.

¹⁶ Аляхновіч, Францішак. *У капцюрох ГПУ*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994, 91.

¹⁷ Там же, 91

¹⁸ Там же, 118

¹⁹ Там же, 176

²⁰ Там же, 177

²¹ Там же, 165

²² Калюга, Лукаш. *Творы: раман, апавесці, апавяданні, лісты*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1992, 454.

²³ Крапіва, Кандрат. *Выбраныя творы*. Т. 2. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986, 30.

²⁴ Зарэцкі, Міхась. *Збор твораў*. Т. 3. Мінск: Мастацкая літаратура, 1991, 176

²⁵ *Всемирная философия. ХХ век*. Минск: Харвест, 2004, 323.

²⁶ Ницше, Фридрих. *Сочинения*. Т. 1. Москва: Мысль, 1990, 577.